

Петр Сафронов

Позиция № 3

Может ли быть гуманитарное знание, не имеющее и не признающее своих общественных функций? Думаю, что нет. Любое знание имеет социальную значимость. Отличие гуманитарного знания заключается в том, что его функционал связан с тем, как позиционируется в обществе его носитель и как общество воспринимает те или иные стратегии позиционирования. Соответственно, вопрос об общественных функциях гуманитарного знания сводится к вопросу о функционировании тех или иных социальных позиций, которые доступны для гуманитариев или которые производятся ими/производят их. Я бы выделил, не претендуя на исчерпывающую классификацию, как минимум три достаточно автономных социокультурных статуса гуманитария: интеллигент, интеллектуал, эксперт.

Существование интеллигента построено на радикальной неконвертируемости его статуса в знаки социального признания. Даже если эти последние имеют место, они воспринимаются как необязательное приложение к внутреннему «стержню» и/или «самоуважению» и/или «достоинству личности». Статус интеллигента предполагает наличие достаточно жесткого каркаса предпочтений и жизненных стратегий, сама замкнутость которого воспринимается в качестве значимой этической характеристики. Социальное взаимодействие интеллигента зачастую строится по типу исключения всего того, что не соответствует имплицитному представлению о мере допустимого, «удобного», «приличного»: то есть, отступлений от «подлинного» назначения. Любое отклонение от этих пределов воспринимается интеллигентом преувеличенно трагически и тревожно. Интеллигент, по своей сути, является (моральным) паникером. Поскольку в этический «кодекс» интеллигента включено отстраненное отношение к борьбе за признание и власть, его паника всегда носит деструктивный, истерический характер. Особенность пост-советских условий заключается в том, что позиция интеллигента получила благодатную почву для укрепления и развития в условиях имперской власти до и после революций 1917 года и поэтому до сих пор окутана некой мистической аурой.

Противоположный по отношению к интеллигенту полюс занимает эксперт-аналитик (человек, профессионально занятый высокоинтеллектуальным трудом, связанным с материальным производством только опосредованно). Качество и стиль его

деятельности целиком зависят от степени социального признания полученных результатов. Эксперт-аналитик, таким образом, всегда является конформистом. В условиях демократического общества конформизм экспертов несколько маскируется многообразием центров сил и интересов, каждый из которых требует определенного, отличного от других профиля ангажированности, что создает видимость действительного, а не обусловленного полученным заказом, расхождения экспертных оценок. Особенность пост-советских условий заключается в том, что существование любого эксперта возможно главным образом в режиме удовлетворения потребностей государства, которое выступало и выступает едва ли не единственным крупным «заказчиком» экспертной деятельности.

Фигуры интеллигента и эксперта объединяет подчеркнуто партикулярный, частный, локальный характер их действий. Основным отличием интеллектуала и от интеллигента, и от эксперта-аналитика является космополитичность и глобальность его мышления и деятельности. Соответственно, позиция интеллектуала выстраивается через оппонирование любой сетке ограничений, через критическое исследование в том числе и своего собственного социального места. Осваивая культурное наследие, интеллектуал избегает своего присвоения каким-либо кружком, кланом, «экспертным советом», «национальным институтом», «исследовательским проектом» и так далее. Особенность пост-советских условий в том, что доступ к культурным ресурсам обставлен, как правило, местечковыми (квази) бюрократическими требованиями тех или иных закрытых корпораций и сообществ.

Интеллигенция и экспертное сообщество совместно блокируют создание в России полноценной интеллектуальной среды. В современной России нет интеллектуалов. Это будет происходить до тех пор, пока любая попытка сформулировать альтернативу, далекую от типологических трафаретов, будет оцениваться как «предательство», «нарушение взятых обязательств», «произвольность» и прочее. Надо вырабатывать способность сопротивления как сервильности экспертов, так и моральной панике интеллигентов, чтобы общественные функции гуманитарного знания не сводились к выполнению очередного госзаказа или стерильной духовной ажитации.